Маленький Кириос

Первый день после того, как Лио покинул Розовую Зарю, был самым долгим и самым трудным. Были слезы, боль, разочарования и, сильнее всего, жуткий страх. После первого дня они подавили слезы и спрятали боль, изо всех сил игнорируя страх за их кузена. Второй день был не легче, но он прошёл быстрее.

Третий день прошёл ещё быстрее. Наконец, прошла первая неделя. А потом, в мгновение ока, вторая. И внезапно – третья.

Наличие цели помогало.

Мирон увернулся от хлёсткого удара старшего мистика, и деревянный тренировочный клинок просвистел над его головой. С ранних лет его учили использовать все преимущества его тела, независимо от того, сколько ему лет и какого он роста. Против такого противника, как этот, почти вдвое выше его, его рост позволял ему легче уклоняться от некоторых атак. А его скорость позволяла ему маневрировать, преодолевая защиту старшего культиватора.

И не важно, ребёнок он или нет, у него всё ещё была сила культиватора седьмого ранга Гражданского царства. Мирон рванулся к его противнику, а не в сторону от его меча, и со всей силой своего импульса и пневмы нанёс удар локтем в почку.

Старший культиватор, восемнадцатилетний юноша шестого ранга Гражданского царства, выронил свой тренировочный клинок и рухнул, хрипя. Мирон схватил его в воздухе и перебросил из руки в руку, меняя хватки, пока не почувствовал, что он достаточно к нему привык. Предыдущий противник сражался кулаками, и Мирон, победив его, сделал то же самое. Теперь он попробует клинок.

— Этот скромный софист благодарит тебя за наставления, — официально сказал он, поклонившись задыхающемуся мистику. Он протянул ему руку.

Тот принял её и поднялся, держась за бок: «И я благодарю маленького лорда за его наставления». — Мирон закатил глаза от такого прозвища, а старший культиватор хихикнул, похлопал его по плечу и, пошатываясь, вышел из мраморного октагона.

Мирон повернулся, чтобы посмотреть на гимнасиарха и его аудиторию, состоящую из мальчиков его возраста и более старших культиваторов, которых привлекло сначала любопытство, а затем необычная перспектива обменяться мнениями с молодым столпом Розовой Зари. Он приглашающе махнул рукой, и через мгновение в октагон вошёл ещё один юноша с руками обмотанными алыми бинтами.

Гимнасиарх оперся локтями на край октагона, приподнятый помост оказался почти на уровне груди взрослого мужчины. Он поднял бровь на Мирона.

— Ты уверен, сынок? Тебе бы не помешал перерыв.

Мирон подавил своё нетерпение, откинул с глаз влажные локоны волос и решительно кивнул.

— Я буду в порядке, сэр.

До сих пор он дрался всего пару десятков раз, и большинство из них были мальчишками его возраста. Неинтересные противники, если быть честным, хотя он и не сказал им этого в лицо.

Они отдали ему всё, что у них было, и не заслужили такого удара по их эго.

Мирон мог продолжать. Мирон должен был продолжать. Он знал, что Лио мог бы сразиться со всем гимнасием ни разу не запнувшись. И каждый раз он вышел бы победителем.

— Я приветствую маленького лорда, — сказал его противник, глубоко склонив голову. Мирон повертел в руках деревянный клинок и кивнул.

— Подними свою голову и встреть зарю.

Противник оскалился в ухмылке, и они оба бросились в бой.

Через минуту, а может, и две, старший культиватор вылетел из мраморного октагона: прямой выпад, который, будь это железный клинок, пронзил бы его в сердце, вместо этого выбросил его за ограждения. Мирон поймал на лету край обмотки на его правой руке, снимая её с руки культиватора, и обмотал её вокруг своей. Он отбросил тренировочный клинок в сторону.

— Благодарю тебя, — сказал он, обменявшись вежливыми словами с мистиком, который казалось, не знал быть ему возмущённым или весёлым, и снова развернулся к своей аудитории.

Культивирование – это сумма прожитого опыта. Лио и Сол сказали ему об этом почти год назад, и в тот момент это было именно то, чему ему нужно было научиться. Теперь он снова прибегал к этому уроку, ища новых противников, новое оружие, новые стили боя. Всё что может потребоваться, он сделает. Лио показал ему разницу между небом и землёй в ночь свадьбы Николаса. И если они хотели вернуть его, Мирон должен был преодолеть этот разрыв.

Но они были так слабы.

— Кузен, — сказал ему глубокий, обеспокоенный голос, выведя его из транса, в который он сам не заметил, как погрузился. Мирон задыхался, проводя рукой по лицу, и, когда он убрал её, на ней было столько пота, словно он окунул её в бассейн. У его ног лежали два избитых культиватора четвёртого и пятого Гражданских рангов соответственно.

Мирон посмотрел на тупые кинжалы в своих руках, каждый из которых был выкован из бронзы и имел вмятины от силы его ударов. Они со звоном упали на поверхность мраморного октагона, когда он опустился на колени и помог своим противникам подняться на ноги.

Только когда они, обхватив друг друга за плечи, захромали к баням на другой стороне гимнасия, Мирон наконец развернулся и поприветствовал своего кузена.

— Нико.

— Как давно ты этим занимаешься? — спросил новый молодой аристократ Розовой Зари, хмурясь, когда он подходил к октагону. Мистики поспешно расступились, с нескрываемым восхищением глядя на поистине героическое тело. На Нико все ещё была туника, обмотанная вокруг талии, но, тем не менее, он представлял собой впечатляющее зрелище. Мирон оценил его, сравнил его телосложение с телосложением Лио, а затем и со своим собственным.

Его отец всегда говорил, что тело – это божественное отражение души. Каждый точёный мускул был результатом бесчисленных часов, проведённых в гимнасии и на поле боя. Лио обладал телосложением человека, который посвятил искренним тренировкам больше времени чем Мирон был жив. Нико был на уровень выше даже этого.

Нико помахал рукой перед его лицом. Мирон моргнул, осознав, что его мысли блуждают. Сколько времени он вообще находился в гимнасии?

Он вопросительно взглянул на гимнасиарха, и тот сурово покачал ему головой.

Обращаясь к Нико же, гимнасиарх сказал: «Он здесь с сегодняшнего утра».

— С утра... Мирон, уже почти обед, — сказал он, и беспокойство его удвоилось. Позади него, ближе к баням, Мирон заметил мужских спутников своего кузена, которые в данный момент принимали ванну, пока вокруг сновали посвящённые Розовой Зари пытавшиеся набраться смелости заговорить с ними.

— Я в порядке, — с запозданием сказал он. Его конечности были тяжёлыми и слабыми, и он ещё не совсем восстановил дыхание, но он мог продолжать. Грифон продолжил бы.

Это было лёгкой частью.

— Думаю, на сегодня ты закончил, — сказал Нико, беззлобно, и протянул руку. — Пойдём, вымоем тебя и накормим. У меня нет никаких обязательств на несколько часов, так что, как начёт того, чтобы я рассказал тебе о том, как я провёл время на Алебастровых Островах?

— Ещё нет, — сказал он, стиснув зубы. — Я ещё не закончил.

Ясные голубые огни в глазах его кузена замерцали. Он серьёзно рассматривал Мирона, и это значило для него больше, чем он мог выразить словами. Именно поэтому он всегда так уважал Лио и Нико. Даже когда он ещё едва был культиватором, они никогда не относились к нему как к ребёнку.

— Когда этого будет достаточно? — спросил Нико тем тяжёлым, многослойным тоном, который, как Мирон уже давно понял, означал, что эти слова имели больше, чем одно значение. В своих мыслях он называл это "голосом Лио".

Мирон снова взял в руки свои кинжалы из затупленной бронзы и расправил плечи: «Этого будет достаточно, когда я вырасту».

Нико горько улыбнулся: «Нет. Не будет».

— Тогда ещё один, — надавил Мирон. — Ещё один, и я приму ванну.

Нико обменялся взглядом с гимнасиархом, и Мирон молча умолял старика согласиться. После долгого раздумья он вздохнул и покачал головой, почёсывая длинную седую бороду.

— На один его хватит, — разрешил он, и Нико кивнул.

— Тогда ещё один. Кто будет противостоять молодому ужасу? — Нико огляделся по сторонам, и его доброе настроение сменилось недоумением, когда никто не поднял руку. Он окинул взглядом мистиков Розовой Зари, проследив их шокированные взгляды до самого Мирона.

И его пальцу, которым Мирон указывал на своего кузена.

— Николас Этос, — произнёс он своим самым требовательным голосом. Он мог бы сделать его и глубже, но когда он так делал, люди, как правило, улыбались, а не съёживались. — Вступи со мной в мраморный октагон.

Кто-то засмеялся.

Его кузен сделал наистраннейшее выражение лица.

После того как засмеялся первый посвящённый, за ним последовали остальные. Мирон мог сказать, что за этим не было никакого злого умысла, но это всё равно заставляло его скрежетать зубами. Такова была реальность. Настолько его кузен был выше его, что одно только предположение о драке было смехотворным.

У бань спутники его кузена облокотились на бортики бассейнов и приложили руки ко ртам, взывая к нему и к Мирону.

— Наконец-то кто-то вызвал тебя, Нико!

— Твоё высокомерие закончится сегодня!

— Отправь его в Тартар, маленький Лорд!

Насмешки и издёвки разлетались по залу, притягивая взгляды тех, кто ещё не смотрел. Толпа росла. Мирон, не обращая внимания на них, не обращая внимания на своё изнеможение, продолжал неуклонно указывать. Он без колебаний смотрел в глаза Нико.

Наконец, когда он уже начал сомневаться в себе, его кузен кивнул и вскочил в октагон. Гимнасий разразился радостными криками, и голые мальчики и мужчины бросились смотреть на это зрелище вблизи. Только спутники Нико остались в банях, довольствуясь насмешками и героическими чувствами.

Гимнасиарх сурово нахмурился, пристально глядя на Нико. Старший кузен Мирона встал в стойку напротив него, взяв в руки деревянный тренировочный меч, который Мирон выронил несколько боев назад.

Замаскировав движение несколькими преувеличенными взмахами меча, Нико наклонился и заговорил достаточно тихо, чтобы никто, кроме Мирона, не мог его услышать.

— Ты уверен?

Мирон кивнул один раз, с окончательностью. Той ночью Лио показал ему разницу между небом и землёй, огромную разницу между ними двумя. Но этого было недостаточно, чтобы преодолеть пропасть. Мирон знал Лио. Он был уверен, до мозга костей, что бывший молодой аристократ уже вырос за те несколько недель, что прошли с момента его ухода. И Мирон знал, что он не остановится.

Недостаточно было знать, как далеко ему нужно зайти, чтобы достичь того, кем был Лио. Он должен был знать, куда направляется Лио, каким человеком он станет.

Нико искал в его глазах колебания и, не найдя их, вздохнул и кивнул в ответ. Мирон склонил голову в знак благодарности.

— Встань, — приказал Николас Этос, — и встреть зарю.

Мирон резко вдохнул, крепко сжимая кинжалы, и поднял голову. Алое пламя за глазами его кузена вспыхнуло, как костёр, и его героическая пневма наполнила гимнасий. Мирон напрягся и отпрыгнул назад…

Он очнулся на пуховой кровати в окружении своих кузенов. Рена наполовину лежала на кровати, пока она спала в своём кресле, держа левую руку Мирона в обеих своих. Кастор был рядом с ней, одной рукой он неуверенно подпирал голову и дремал. Херон сидел, скрестив руки, с мешками под глазами и свирепо смотрел через комнату.

Лидия стояла у двери и безуспешно пыталась успокоить его мать, пока та кричала на Нико.

Херон заметил, что он проснулся первым, позвал их мать и неуверенно протянул руки к рукам и груди Мирона, которые ужасно болели. Потом пришла его мать, она отмахнулась от своего старшего сына и набросилась на него с яростными вопросами о том, что случилось, кто виноват, и о чём он думал. Рена и Кастор вскочили с места и с облегчением попятились, увидев, что он проснулся. Это заставило Мирона почувствовать себя ужасно виноватым.

Но не сожалеющим. Он встретил взгляд Лидии через плечо матери, и хотя выражение её лица было строгим, он знал, что она всё понимает. Потом он посмотрел мимо неё на Нико, стоявшего у двери, и слабо улыбнулся в знак благодарности. Он уже знал, какое расстояние ему нужно пройти, чтобы оказаться там, где в ту ночь стоял Лио. Теперь он знал, сколько ещё ему нужно пройти, чтобы добраться до того места, куда он шёл.

Нико долго смотрел на него. Затем он развернулся и вышел за дверь.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3475157